

Никита Сутырин

Режиссер, сценарист и поэт. Родился в 1981 году на Урале. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького, а также ВГИК. Живет в Москве. В 2023 году стал лонг-листером конкурса «Поэтический дебют» (журнал «Аврора»).

Я не из несчастных тупиц

(От барахолки до большого экрана:

одиссея неизвестного дневника одиннадцатилетней блокадницы)

6/XII 1942

Сегодня я решила писать дневник. Дело не легкое, но я решила развивать себе волю, и здесь мне предоставляется настоящий случай показать это на деле.

Первая запись в дневнике А. Комарчевой.

Блокадные дневники и, в частности, детские заметки того страшного периода — объект исследования неновой и неудобный. Но именно эти записи во многом помогли сформировать образ подвига ленинградцев, отчасти в пику официозному «Советскому Информбюро». Чего стоит только берггольцовское «Здесь не говорят правды о Ленинграде...»

Закономерно, что до сих пор всплывающие рукописи тех лет интересуют историков, исследователей эпистолярного жанра и коллекционеров. Поэтому, когда в конце прошлого года мне предложили написать и поставить детскую драму на основе неизвестного блокадного дневника, я первым делом в силу скромных возможностей постарался установить подлинность и историю этой находки.

Если б мне в мирное время сказали, что главные мои интересы представляла еда, я бы никак не поверила. Но сравнить нечего.

Итак, в моих руках оказалась потрепанная зеленая папка на завязках, а в ней — тоненькая, мелко и плотно исписанная карандашом школьная тетрадка с детскими рисунками. И приложение: набело, аккуратно переписанный чернилами текст. Впрочем, обо всем по порядку.

Несмотря на регулярность записей, себя автор представила довольно скупо: «А. Комарчева». Эта деталь даст нашей истории неожиданную краску. И все же, восстанавливая историю этого архива, надо признать: потрепанной зеленой папке несколько раз повезло попасть в заботливые и внимательные руки.

В 2021 году рукопись на знаменитой питерской Уделке нашел московский блогер и путешественник Александр Дерябин. Сторговался за две тысячи рублей и взялся было сканировать и публиковать страницы в Инстаграме. Но то ли быстро наигрался с покупкой, то ли забросил соцсеть после запрета ее в России, и во время очередной поездки передал папку одной из своих подписчиц — крымчанке Елизавете Колпакиди. А та, в свою очередь, посчитала, что правильное место для детских записок — Международный детский центр «Артек».

Так, в 2022 году дневник наконец обрел почетное место в музейной экспозиции знаменитого лагеря в Гурзуфе. Записки были заботливо отсканированы и расшифрованы, а ветхий оригинал — помещен в стеклянную витрину во Дворце творчества «Артека», где и стал ждать своего кропотливого исследователя.

Здесь-то дневник и попался на глаза кинематографистам — сотрудникам киностудии им. Кира Булычева, ведущим образовательную программу «Ты — кадр» с детьми, приезжающими в «Артек» со всей России. Так возникла идея снять на основе дневника детское кино.

Первое, что мне бросилось в глаза при работе с источником — возраст девочки. А. Комарчева была ровесницей знаменитой Тани Савичевой, чей лаконичный дневник стал одним из самых страшных символов Блокады. Таня потеряла свою семью в первую, самую холодную и тяжелую блокадную зиму.

Комарчева же писала свой дневник годом позже, в декабре 1942 года, будучи в детской больнице в разлуке с матерью — ей девочка посвящает свой дневник. Описание подростком больничного быта в осажденном городе, взаимодействие со взрослыми и рефлексия по поводу собственной одаренности — пожалуй, наиболее интересные, самобытные и ценные фрагменты дневника.

Сегодня я взвешивалась, но весам не очень поверила. Они очень сильно врать. Из ребят мало кто верит этим весам и я тоже не очень верю. Но наш доктор Наталья Афанасьевна другого мнения. Она свесала меня, и оказалось, что я поправилась по сравнению с прошлой неделей на 1 кг 150 г. Я этому совершенно не верю, тем более что прошлый раз я на 100 гр. похудела. Что из этого верно — не знаю. — Ого! — сказала Наталья Афанасьевна, ничего себе поправилась, нужно тебя выписать, когда придет мать? Я ответила, что мама обещала прийти еще в прошлый понедельник. Я очень беспокоюсь.

Недоверие к врачам, страх за мать и боязнь вернуться назад в город — лейтмотив дневника. Это ощущение тревоги и неуверенности я постарался перенести в сценарий, а затем — на экран. Но основной конфликт фильма вырос из эпизода с воровством. Причем это тот случай, когда для детского кино пришлось упрощать слишком странный неоднозначный поступок: подросток Дедов при выписке выкрал из больницы... цветной географический атлас. Жажда ли знаний двигала мальчиком, желание восполнить домашнюю книжную утрату или надежда обменять дорогое издание на еду — остается лишь гадать.

Атлас был очень хороший: там были все страны. Естественно, что она очень возмутилась. Она побежала к Эсфири Исаковне и стала ей жаловаться. Сказала, что пойдет к Дедову на квартиру и напишет к нему в школу такую характеристику, что ему не поздоровится.

Ценность дневника — в том, что он пишется по горячим следам, здесь и сейчас. Но это же делает его композицию рыхлой, стихийной, неорганизованной. Отсюда первое, чего требует экранизация — создание структуры, усиление драматургии. Мы сдвинули время действия на год вперед — на новогодние праздники 1941–1942 года. Это художественное допущение позволило вплести в фильм исторического персонажа, не пережившего первую блокадную зиму.

В то же время я аккуратно переносил в сценарий дневниковые прозвища, детали и фактуру, чтобы экранная больница, насколько это позволяет экранизация, соотносилась с дневниковым первоисточником. Пионерка Комарчева как будто благоволила этому: тщательно фиксировала в заметках имена, отчества и фамилии взрослых и детей вокруг себя. При этом, бережно сохраняя интригу, сама оставалась безымянной. Музейные работники «Артека» почему-то окрестили ее Аней, что, строго говоря, не совсем корректно: свой дневник девочка подписала лишь инициалами. Единственный документ, где к автору обращаются по

имени — попавшая в папку записка от мамы (судя по составу меню — из летнего периода блокады):

Анеля! Суп и капуста в зел. мисочке — за окном, каша под подушкой.

Анеля! Вполне вероятно, что это домашняя уменьшительная форма имени Анна. С другой стороны, Анеля, Анелия — также реальное имя к тому же более редкое. Давно ли в прокате прошла военная драма Алексея Федорченко «Война Анны» про девочку, переживающую голод и гибель близких. В общем, так одиннадцатилетняя пионерка из Ленинграда А. Комарчева стала экранной Анелей.

Дневник Комарчевой — классический для советской молодежи XX века инструмент по выковыванию лучшей версии себя. Эпиграфами девочка ставит афоризмы: «Безвольный человек не пригодится в жизни» и «Проводи время с пользой», текст же изобилует таблицами, планами и обещаниями самой себе.

Дома я буду издавать свой собственный журнал. Который назову «Парус». Издавать его буду раз в месяц. В «Парусе» будет 3 отдела — для чтения, «Умный кот» и «Глаза» и «Уши». В первом буду помещать рассказы, выдумки, стихи, словом все для чтения.

Ощущение пятиклассницей своей гуманитарной одаренности — еще один из любопытнейших лейтмотивов дневника. В больнице Анеля пишет для стенгазеты, постоянно сочиняет стихи, показывает их подругам и учителям, правит, сокращает, переписывает и рефлексивирует, насколько она талантлива:

У меня совершенно нет способности к танцам. Но пою я неплохо. Я подсчитала к чему у меня есть хоть какие способности. Вышло не много — рисование, пение, учение, литература. Способности я имею не такие уж хорошие. Но есть много людей которые и их не имеют. Что ж, я не из несчастных тупиц.

Именно стихи Анели Комарчевой — приложение к тонкой дневниковой тетрадке, аккуратно переписанное чернилами набело. Практически все они — школярское эпигонство с довольно неуверенной рифмовкой и размером. Налицо подражание Лермонтову, советским романтикам 1920-х гг., Багрицкому, Светлову и единственной из поэтов, кого девочка упоминает в своем дневнике лично — блокаднице Вере Инбер. Некоторые темы для стихов ей, судя по всему, спускает сверху

педагог. Так, подборка Анели 1931 года рождения неожиданно начинается со стихотворения на смерть Ленина:

Говорится весть по радио
Говорится весть по телефонам
Умер, умер Ильич родной
Вождь всего трудового народа

Любопытная, не встречавшаяся ранее деталь прифронтового быта, которую я перенес из дневника Комарчевой в сценарий, а затем на экран — запрет детям самостоятельно читать советские газеты.

Жадность подростков до новостей с фронта вкупе с украденным из больницы политическим атласом объясняют наивный, а может — напротив, сознательный, зрелый пролетарский интернационализм одиннадцатилетней поэтессы:

ненависть к немцам в людях живет
их ненавидит русский народ
их ненавидят чехословаки
финны, румыны, венгры, поляки
где проникает фашистская грязь
там начинается Гитлера власть
власть эта гонит в средневековье
Гитлер обрызган народною кровью
чтобы звериную грязь эту смыть
чтобы позорную власть ту разбить
против фашизма поднялись народы
вот приближается время свободы
ни у кого не осталось сомненья
фашистов последнее бьем поколенья

И, тем не менее, в часто неумелой, любительской лирике Анели Комарчевой нет-нет да проскальзывают стилистически неожиданные образы, вдруг обретающие свежее звучание на фоне современных событий:

немцы топчут Украину
села поджигают
ох, фашисты, мстят вам сильно
наши партизаны
к лесу подходить боятся
храбрецы немецкие
потому что партизаны

бьют по-молодецки
немцы грабили крестьян
кто-то крикнул «Партизан!»
немцы сразу испугались
за винтовки похватались
украинцев-партизан
немцы трусы так боятся
потому что украинцы
никогда не покорятся

Даже принимая во внимание, что сочинение стихов — довольно распространенное хобби среди ребят и молодежи середины XX века, поэтические экзерсисы одиннадцатилетней Анели — ценное и само-бытное дополнение к ее дневнику. Одно из них я подредактировал и сократил, чтобы его могли продекламировать в кадре сегодняшние «артековцы» — сверстники юной блокадницы:

о, город мой, родимый город
ты сердцу ленинградца дорог
построен на болотном лоне
ты крепче стали, крепче брони

а сколько ты лишений испытал!
о, город мой, ты сильно голодал!
буквально хлеб учитывал по граммам
а сколько пострадал ты от снарядов!

проклятый немец, он заплатит
за все, что бомбами в обломки превратил
он силу красной армии узнает,
отступит в мерзлоту могил

потушен и замаскирован свет
под арками дежурные стоят
зенитки спрятаны как будто их и нет
влетало «Юнкерсам» от их огня

ты неприступен Ленинград. И близок
тот час, когда возмездием горя
народы разобьют фашистов
и отомстят, любимый, за тебя

Свой блокадный дневник Анеля вела меньше месяца. Скорей всего, к новому году, окрепшая, она была выписана домой и воссоедини-

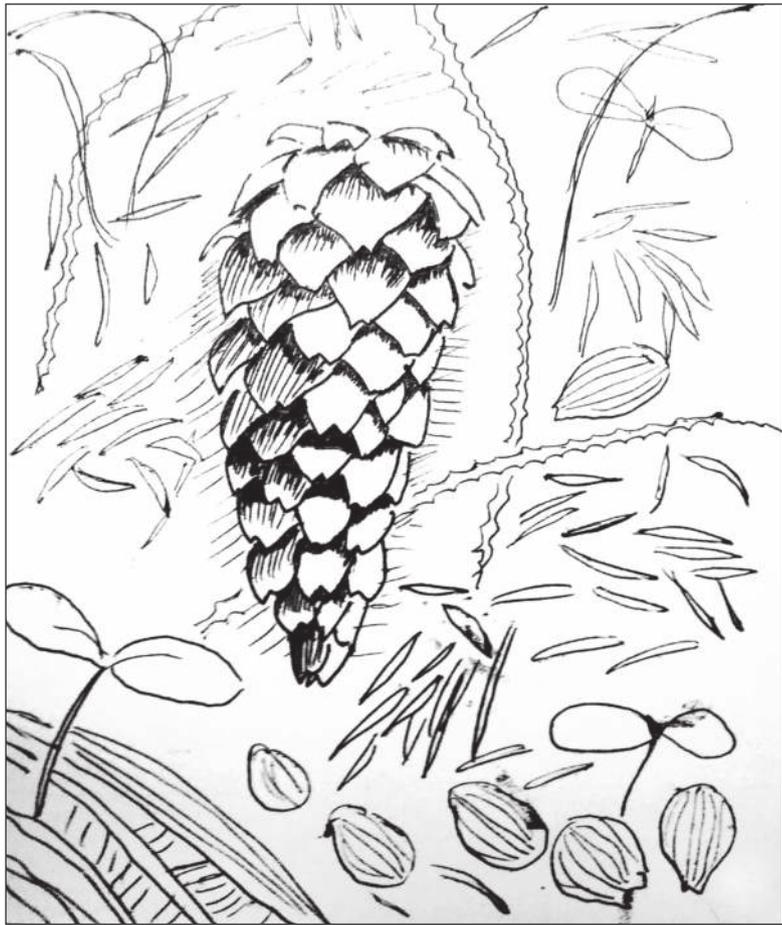
лась с матерью — хотя из последней записи, датированной 22 декабря 1942 года, это напрямую не следует.

На счастливый финал блокадной драмы Комарчевой позволяет надеяться скупая информация, найденная на сайте центра «Возвращенные имена» — там есть дата рождения девочки, район проживания, но отсутствует дата смерти.

Робкий свет на эту историю проливает и потрепанная зеленая папка с завязками. Кроме стихов, в ней нашелся еще один бонус — несколько дневниковых записей от 1946 года... Велик соблазн приписать ровный каллиграфический почерк и образцовую грамматику повзрослевшей, пережившей Блокаду Анеле, если бы не одно «но»: в этих заметках девочка, очевидно развившая свой писательский талант, пишет о себе в третьем лице и называет себя... Инной. Литературная ли это мистификация повзрослевшей Комарчевой или же небрежный жест безымянного продавца с барахолки на Удельной — на данный момент неизвестно.

P. S. В день премьеры фильма в «Артеке» мне прислали скан потерявшейся обложки школьной тетрадки пятиклассницы Комарчевой. Анна! Все-таки девочку звали Анна, и училась она, если верить тетрадной обложке, в женской школе № 116, правопреемницей которой сегодня является гимназия № 116 Приморского района Санкт-Петербурга.

Посмотреть фильм «Елка без огней» по блокадному дневнику Анны Комарчевой можно на платформе детско-юношеского кино <https://киносферум.рф>.

Художник Анна Рыбалка